

УДК 821.161.1

**ЛИТЕРАТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И СТЕРЕОТИПЫ**

© 2011 г.

М.Г. Уртминцева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

urtminzeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.12.2010

Описаны параметры когнитивной модели исследования провинциальной беллетристики, представлены варианты интерпретации литературных произведений на основе теории литературных универсалий и стереотипов, дана характеристика составляющих нижегородского «литературного гнезда».

Ключевые слова: провинциальный, когнитивный, нижегородское литературное гнездо, литературные универсалии и стереотипы.

Проблема изучения региональной литературы как важнейшей составляющей общероссийской культуры была поставлена еще в середине XIX в [1, 2], обсуждалась в статьях нижегородских краеведов и писателей конца XIX – начала [3; 4; 5] и середины XX века [6; 7]. Вопрос об определении критериев исследования провинциального литературного мышления был поднят в отечественном литературоведении еще в начале XX века [8], однако за прошедшие семьдесят лет отечественное литературоведение почти не продвинулось на пути к созданию научной концепции исследования феномена провинциальной литературы как системы, обладающей признаком самодостаточности, с одной стороны, и являющейся, в свою очередь, важной составляющей общероссийского литературного процесса – с другой, несмотря на то, что в последнее десятилетие было выпущено значительное количество тематических сборников научных трудов, посвященных литературе провинции, см. «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 1998); «Русская провинциальная культура: текст- миф- реальность» (Елец, 1999); «Геопанорама русской культуры: провинциальные локусы и локальные тексты» (Пермь, 2000); «Провинция как реальность и объект осмысления» (Тверь, 2001); «Вятский провинциальный текст в русском контексте» (Киров, 2001); «Жизнь провинции как феномен духовности» (Н. Новгород, 2004, 2005, 2006, 2008, 2009); «Провинциальный текст русской культуры» (Н. Новгород, 2008); «Коды русской классики: “провинциальное” как смысл, ценность и код» (Самара, 2008); «Русская провинция: миф-текст-реальность» (М.; СПб, 2000); «Геопанорма русской культуры: провинция и ее локальные тек-

сты» (М., Пермь, 2004); «Russian Literature “Provincija”» (2003. LIII-II/III Amsterdam), «Europa Orientalis» (2003. XXII. № 1 Salerno) др.

В настоящее время достаточно подробно описаны функции отдельных блоков этой системы: исторического, социально-экономического, политического, фольклорного, биобиографического, пространственного, этнографического и т.д., что может стать базой для проведения исследования в рамках когнитивного подхода, изучения особенностей литературного мышления [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15].

В процессе мышления происходит самоидентификация личности не только писателя, но и читателя, к сознанию которого обращен текст. Понятие «литературное мышление» включает в себя сознание провинциального писателя, поэта, журналиста, закрепленное в тексте, формирующее его интенции и ориентированное на диалог с «большой» литературой. Литературное мышление – феномен, которому присуща системность, то есть возможность саморегулирования наряду со стремлением к отзывчивости на внешние факторы воздействия, как материальные, так и духовные. В качестве примера обратимся к характеристике явлений культурной жизни региона, имеющих отношение к литературе, ограничив объем материала хронологическими рамками XIX столетия.

Литературный материал, который привлекается в качестве объекта исследования, может быть разделен на несколько групп. Первая включает произведения, созданные писателями, не только родившимися в нижегородской губернии, но и получившими здесь образование и воспитание (П. Мельников, А. Мысовская, Н. Вучетич, А. Пешков), другая группа – литературные критики и историки литературы

(Н.М. Гутьяр и С.В. Городчанинов), третья – писатели, жившие в губернии и запечатлевшие ее образ в своих произведениях (А.С. Пушкин, В.Г. Короленко, В.И. Даль, П.Д. Боборыкин, А.В. Сухово-Кобылин), к четвертой относятся произведения разных жанров, публикуемые на страницах региональных периодических изданий («Волжско-Камская газета», «Нижегородские губернские ведомости», «Нижегородская ярмарка», «Нижегородская почта», «Нижегородский биржевой листок» и др). К этой же группе следует отнести и те материалы Нижегородской архивной комиссии, в которых беллетристической обработке подвергаются сообщения статистических, исторических и этнографических сведений по истории края, акцентировано стремление автора сформулировать свой собственный взгляд на вещи, проявить себя как мыслящую личность. Особое же внимание следует уделить исследованию особенностей возникновения и формирования нижегородского «литературного гнезда», работа по изучению которого находится в стадии сбора и систематизации материала [16; 17; 18; 19]. Итогом работы должен стать библиографический словарь, содержащий статьи аналитического характера.

Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что на протяжении всего XIX века в Нижнем Новгороде формируется база для проведения конкретных исследований феномена регионального литературного мышления: в периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках стихов и прозы, выходящих в губернии, а также в столичной печати, выражено стремление нижегородских авторов представить провинциальную интеллектуальную среду как привилегированное место – пространство, находящееся не на периферии по отношению к центру, а выступающее в качестве коллективного носителя особого мировоззрения; в интерпретации оппозиции провинциальное/столичное заметно стремление обозначить взаимосвязь национального и местного колорита; публикуемые на страницах провинциальных и столичных изданий произведения нижегородских авторов отражали своеобразную рефлексию по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром – Москвой.

Особая роль в формировании литературного мышления нижегородской провинции принадлежит десятичному «Нижегородскому сборнику» (1867–1893), редактором и инициатором которого был А.С. Гациский. Одним из первых в статье «Смерть провинции, или нет?» (1875),

отвечая на вызвавшую бурные дискуссии статью Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции», А. Гациский поставил вопрос о самоопределении «областной литературы», ее задачах, дал определение понятиям «провинциальный», «областной» писатель, сформулировал проблему провинциального провинциального читателя и поднял вопрос о воспитании корреспондентов периодической печати, о профессиональных беллетристах [5]. Идеи Гациского оказались созвучны мыслям Ф. Достоевского, в 1876 году писавшего казанскому публицисту Н.Ф. Юшкову о том, что «всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как на указатель общего развития сил нашей родины. Дело это еще в будущем, но людей твердых и с ясными взглядами на дело желательно бы иметь заранее...» [19, с. 74–75] – и тогда же, в майском выпуске «Дневника писателя»: «...наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем <...> О, мы понимаем, что каждый угол России может и должен иметь свои местные особенности и полное право их развивать...» [20, с. 6–7]. Обратим внимание на то, какую важную роль отводит автор «Дневника» личности провинциального писателя. Литературное и бытовое сознание такой личности, оперировавшей культурными концептами, характерными для данного региона, показывало не только индивидуальные особенности самоидентификации человека, но и уровень общественного самосознания провинциальной культуры нижегородской губернии. Такой личностью был А.С. Гациский – беллетрист, историк, журналист, в творчестве которого получили интерпретацию такие концепты нижегородской провинции, как концепт «ярмарка», «спасение» (град Китеж), «старая вера», «путь» (река Волга, Нижний к Москве ближний) и т.д.

Признавая правомерность уже существующих подходов к изучению региональной литературы и принимая во внимание различные интерпретации концепта «провинция» в современной лингвистике [8; 10; 21], определим параметры модели исследования феномена провинциального литературного мышления в рамках когнитивного подхода, в свете идеи литературных универсалий [14]

Литературные универсалии – это «характеристики (свойства, отношения, структуры) произведений одного типа (например повествовательных), встречающиеся в генетически не связанных и не вступающих между собой в непосредственный контакт» текстах [22, с. 128–129]. П. Хоган, излагая концептуальные положения

своей теории, исходит из тезиса о том, что литературоведение исследует свой предмет, опираясь на выработанные в истории литературы понятия «литературный период», «жанр», «направление», «школа», что приводит в результате к акцентированию внимания исследователя на внешней обусловленности художественного образа конкретно-историческими обстоятельствами, в то время как объединяющим всех людей началом является общность механизмов мышления, общность процессов работы сознания [23]. Если с этих позиций подойти к анализу явлений провинциальной литературы, даже тех, которые современному читателю могут справедливо показаться лишенными достойных признаков эстетического явления, можно увидеть, как в провинциальной литературе происходит проверка и закрепление способов изображения сознания, выработанных в словесном творчестве.

Один из наиболее характерных в этом отношении примеров – беллетристика «Нижегородской ярмарки», периодического издания, ориентированного на воспроизведение универсалий культуры определенного типа [24], но в меньшей степени на универсалии литературы [25]. Периодическая печать, относясь к числу внешних стимулов, влияющих на стереотипы мышления, особенно в провинции, испытывала на себе мощное влияние стереотипов массового сознания [26].

Повесть «Горькая песня», печатавшаяся в семи номерах газеты [27], представляет собой весьма типичный образец «ярмарочной» беллетристики, построенной на соединении хорошо известных читателю жизненных реалий и литературных образов. Действие повести основано на мотиве тайны, окружающей актрису Веру Стрельскую, которую, как утверждает один из героев повести, *в тесную рамку обиденной жизни не вставишь, – простор ей нужен, размах у нее широк. Столько блеску, грации, неуловимой прелести... Одному человеку этого слишком много.* Появляется героиня повести, как и положено романтическому персонажу, на маскараде, в черной полумаске, интригуя собравшихся странной реакцией на стихотворение Некрасова «Тяжелый крест достался ей на долю», прозвучавшее как романс в исполнении цыганки Стешки. Цитированные автором повести строчки третьего четверостишия «Не говори, что молодость сгубила / Ты, ревностью измучена моей; / Не говори!.. близка моя могила, / А ты цветка весеннего свежей», а также не совсем точного воспроизведения последних двух строк «Она пред ним стоит, ломая руки / Но

чтоб сказать могла ему она» являются своеобразной рамкой повествования, которое строится по схеме сюжета стихотворения Некрасова, где в качестве литературной универсалии присутствует экзистенциальная антитеза любовь-смерть. Этот же эстетический стереотип положен и в основу повести «Горькая песня», героиня которой терзаема ревностью своего умирающего от чахотки молодого мужа, графа Ротовского. В отличие от концепта и универсалии, стереотип ограничен одним значением, поэтому сама ситуация повести, завершающаяся убийством Стрельской и смертью Ротовского, становясь предметом изображения, окрашивается просвечивающей в финальных «вздохах» автора иронией. В данном случае развязка повести, произошедшая на маскараде, ориентирована не на литературную традицию, а на стереотип сознания массового читателя, для которого Ротовский, убив неверную жену, посягнувшую на священный институт брака, «Старый долг... заплатил!.. За отнятую жизнь – жизнь отнял, за поруганную честь... За разбитое сердце отомстил!» Вопрос, завершающий повествование «кто из них жертва, кто убийца?», обращен к обыденному сознанию массового читателя, которому предлагалось ответить на него, абстрагируясь от литературного контекста, несмотря на то, что граф Ротовский повторяет манеры поведения другого, манеру, в рамках повествования ему несвойственную. Здесь мы имеем дело со стереотипностью как бытовым эпигонством: автор клиширует ситуацию «месть за поруганную честь», известную читателю по произведениям высокой классики (Отелло закалывает Дездемону, Арбенин дает яд Нине), возводя в ранг трагического героя смертельно больного человека, а не личность, стоящую перед проблемой нравственного выбора.

Другой характерный пример – способ организации повествования в рассказах нижегородского детского писателя конца XIX столетия Н.Г. Вучетича, чьи рассказы получили премию Петербургского фребелевского общества и выходили как отдельным изданием, так и в составе сборников рассказов для детей наряду с рассказами Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, А.И. Куприна [28]. В основе сюжетов рассказов Вучетича – житейская ситуация, испытывающая человека на прочность, и призыв принимать со смирением тяжелые удары судьбы. В рассказе «Кузя» маленький герой теряется в лесу и покоряется судьбе, не предпринимая попыток выбраться из леса, в «Митиной ниве» маленький ребенок засыпает среди высоких колосьев и погибает, в «Красном фонаре» же-

лезнодорожный сторож Колечкин спасает от крушения поезд в то время, как горит его дом. Практически во всех рассказах Вучетича использован такой универсальный способ создания образа героя, как параллелизм. Так, в «Красном фонаре» проводится параллель между внутренним состоянием героя (тревога), грозой, разрушившей железнодорожные пути и уничтожившей его дом, и катастрофой, которая могла произойти, если бы не самоотверженность героя. В сюжете маленького рассказа эти три концептуальные области – личное/психологическое – природное – социальное взаимно отражаются, организуя структуру повествования. Другой пример литературной универсалии – построение сюжетной ситуации, основанной на представлении прототипических эмоций личности – счастья и горя. В рассказе «Митина нива» автор проводит параллель между смертью потерянного на ниве ребенка и гибелью колосьев под серпами жнецов, дающих хлеб насущный родителям Мити. Изображение горя родителей, потерявших ребенка, остается за пределами повествования: автор создает ситуацию, в которой такая эмоция возникает, но не дает ее описания. Тем более характерна финальная фраза рассказа: «С тех пор та нива “Митиной нивой” зовется в народе». Смерть мальчика, жертва, принесенная природе, объединяет людей чувством сопереживания, восстанавливая утерянную разобщенность.

Что касается литературных явлений этнографического плана, широко представленных в «Нижегородском сборнике», то и они могут быть исследованы в рамках когнитивного подхода. Согласно ключевой идее когнитивной риторики, существует определенная общность механизмов мышления литературного и внелитературного [29]. Не отождествляя их, мы должны признать, что именно в литературе наиболее ярко проявляются принципы, структурирующие обыденную речь и мышление. Данное положение чрезвычайно важно, если учесть, что основной корпус авторов сборника – священнослужители, чье мышление отражает ориентацию на концептуализацию речи. Высшей ступенью экзегезы, которой в той или иной степени владели религиозные деятели, является создание спекулятивной модели – определенной схемы высказывания, основанной на концепте, и предполагающей его авторский комментарий. Поэтому священнослужители, ставшие корреспондентами сборника, были подготовлены к творческому копированию (заимствованию) уже существующих образов-схем литературных текстов, в соответствии с кото-

рыми ими создавались образцы произведений информационного плана – описания, заметки, сообщения. Например, рассказ свящ. Троицкого о происхождении козьего праздника и его ежегодном проведении в Кунавине (концепты «праздник», «спасение») реализован в сюжетной схеме святочного рассказа; очерки истории населенных пунктов Нижегородской губернии ориентированы на структуру физиологического очерка (концепты «среда» и «характер» в описании сел Борисовское и Катунки свящ. Доброзракова), рассказы «Кавресь» и «Эрратические камни» (концепт «путешествие») свящ. Владимирского воспроизводят сюжетные элементы нравоописательного очерка (путешествие как форма самопознания).

Выведенные нами положения носят гипотетический характер и нуждаются в более развернутой и аргументированной доказательной базе, что и рассматривается нами в качестве первоочередной задачи, стоящей перед сотрудниками лаборатории литературного краеведения Нижегородского государственного университета.

Список литературы

1. Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907.
2. Пиксанов Н.К. Областной принцип в русском культуроведении. Электронный ресурс, код доступа: krau.ucoz.ru/index/0-20; Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.-Л., 1928.
3. Архангельский С.И. К истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко) / Краеведение, 1925. № 1–2. С. 71–80.
4. Короленко В.Г. Из истории областной печати // Русские ведомости, 1894. №№ 319, 327, 339.
5. Гациский А.С. Печать в провинции // Дело. 1875, № 9; Смерть провинции, или нет? Открытые письма Д.А. Мордовцеву 14 октября 1875. Нижний Новгород, 1876.
6. Свободов А.Н. В Нижнем Новгороде на заре XX в. К характеристике культурного и литературного гнезда / «Нижегородский краеведческий сборник». Т. I. Н. Новгород, 1925.
7. Сокольников М.П. Литература Иваново-Вознесенского края. Введение в изучение местной литературы // Труды Иваново-Вознесенского губернского Научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1925.
8. Вестстейн Виллем. Слово «провинция» в некоторых западноевропейских языках. Электронный ресурс, код доступа: magazines.russ.ru/urnov/2000/3/hr.
9. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири. Электронный ресурс, код доступа: http://www.zaimka.ru/03_2002/dergacheva_concept.

10. Зайонц Л.О. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. М., СПб., 2000. С. 12–20.
11. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 16–29, 37–50. Электронный ресурс, код доступа: es-dejavunet/p/Provinces.html.
12. Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). М., 1989. С. 69–72; 121–122.
13. Серебrenников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000. Электронный ресурс, код доступа: window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt.
14. Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации: Универсалии русской литературы. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2009. С. 8–29.
15. Галай Ю.Г. Книжный Нижний. Н.Новгород. Изд-во Книги, 2007.
16. Люди нижегородского Поволжья. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Вып. 1. Под ред. В.Е. Чешихина (Ч. Ветринского). Н. Новгород, б.г.
17. Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Серия: Нижегородские были. Сост. и научн. ред. В.В. Ниякий. Н. Новгород, 2000.
18. Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Серия: Нижегородские были. Изд-во Книги. Н. Новгород, 2007.
19. Достоевский Ф.М. // Полн. собр. соч. Т. 29, кн. 2. Л., 1986.
20. Достоевский Ф.М. Там же. Т.23. Л., 1981.
21. Строганов М.В. Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 31–34.
22. Лозинская Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. Аналитический обзор. М., 2007.
23. Hogan P.K. Literary universals // Poetic today.- Durham(NC):Duke univ. press, 1997. Vol. 18, № 2. P. 223–249. С обсуждением проблемы литературных универсалий можно познакомиться на Интернет-сайте: <http://litup.unipa.it>, а также на страницах электронного журнала «Сознание, литература и искусство» (2005, № 2).
24. Исупов К.Г. Универсалии культуры. Электронный ресурс, код доступа www.http.russidea.rchgi.ru/
25. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., Флинта, 2010
26. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Электронный ресурс, код доступа lib.ru/politolog/karamurza.txt
27. Нижегородская ярмарка, 1883, №№ 4, 5, 7, 8, 11, 12, 13.
28. Вучетич Н.Г. Кузя. Рассказ для детей. Серия: Детская библиотека Н.Г. Вучетича. Одесса, 1896; Вучетич Н.Г. Митина нива, Красный фонарь / Заветные уголки. Сборник рассказов для детей. Тула: Изд-во «Благая весть», 1991.
29. Пешио Дж. Социологическое воображение в современном англоязычном литературоведении // НЛЮ. М., 2002. С. 334–343.

LITERARY THINKING OF THE NIZHNI NOVGOROD PROVINCE: LITERARY UNIVERSALS AND STEREOTYPES

M.G. Urtmintseva

The author describes the parameters of the cognitive model used in the study of the provincial fiction, presents some options for the interpretation of literary works based on the theory of literary universals and stereotypes, and characterizes the components of the Nizhni Novgorod «Literary nest»

Keywords: provincial, cognitive, Nizhni Novgorod «Literary nest», literary universals and stereotypes.